

СВОБОДА И НЕСВОБОДА В ОБЩЕСТВАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

© 2019 г. Е. Рашковский

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (eug.rashkov@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 06.11.2018.

Статья представляет собой аналитический обзор материалов одноименной конференции, состоявшейся 17 мая 2018 г. во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Конференция была приурочена к 70-летию Государства Израиль, хотя значительная часть материалов конференции была посвящена именно проблематике свободы и несвободы в текущей глобальной истории, включая и проблематику истории российской. По убеждению участников конференции, обобщивших современный опыт народов Запада, России, Востока и Латинской Америки, в основе самого феномена свободы (в современном его преломлении) лежат, по крайней мере, три базовых принципа: 1) принцип взаимного соотнесения пусть и несхожих, но все же дополняющих друг друга императивов человеческой мысли и практики; 2) принцип права, перерастающий область конкретных юридических формул и процедур; 3) принцип историзма, предполагающий не только преемственность, но и неповторимость общественно-экономической и культурной жизни в ее конкретных проявлениях.

Ключевые слова: свобода, несвобода, политика, история, религия, институты, Запад, Восток, Россия, Израиль, Латинская Америка.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-104-112

Вынесенная в заголовок статьи тема обсуждалась на Шестой ежегодной востоковедческой конференции, проведенной 17 мая 2018 г. Группой религиоведения Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино уже после закрытия Группы волевым решением тогдашнего “генерального директора” ВГБИЛ¹. Конференция была организована общими усилиями сотрудников ВГБИЛ, ИМЭМО РАН, Российского университета дружбы народов и целого ряда иных научных, учебных и религиозных учреждений.

Конференция была приурочена к 70-летию Государства Израиль. И это не было лишено резона. Российская Федерация – юридический правопреемник СССР, первого в мире государства, признавшего Израиль и оказавшего ему неоценимую военную и морально-политическую поддержку в первые критические месяцы его существования. И неслучайно “российский след” в интеллектуальной и политической предыстории и истории Государства Израиль – след не вполне осмысленный и оцененный – стал одним из важнейших сюжетов конференции. Впрочем, основным сюжетом конференции явилась именно *проблема свободы* в ее интеллектуальных, политических и религиозных измерениях.

Конференцию проводили: *Б.Е. Рашковский* (Свято-Филаретовский православно-христианский институт) и *Е.Б. Рашковский* (ИМЭМО РАН).

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СВОБОДЫ

Понятие свободы – всегда зыбкое и ускользающее, но всегда насущное в истории, в политике, в повседневном человеческом опыте – было и остается не только важнейшей темой творческих исканий личности и человеческих коллективов, но и предметом разного рода злоупотреблений и политических манипуляций. Попытке разобраться в этом понятии и дать ему некоторое теоретическое описание и был посвящен доклад философа и политолога **Е.Б. Рашковского** “Категория свободы в истории мысли и культуры: современное состояние проблемы”.

Попытки понять современные измерения проблемы свободы волновали великих мыслителей прошлого века, оказавшихся свидетелями двух мировых войн и тоталитарных диктатур. Бенедетто Кроче настаивал, что свобода есть основная объяснительная категория истории, которая всегда недосказана (ибо она объясняется лишь из самой себя), но всегда насущна². А Эрих Фромм еще в начале

¹ Об истории, научной деятельности и уничтожении религиоведческого направления в стенах ВГБИЛ см.: [1].

² К сходной трактовке неуловимости, но насущности свободы пришел и российский писатель Василий Гроссман в романе “Жизнь и судьба”, посвященном Великой Отечественной войне.

Второй мировой войны различил два основных измерения свободы – отрицательное (*freedom from...*) и положительное (*freedom for...*).

Первое, отрицательное измерение свободы – универсально и общепонятно: кто же, за исключением отъявленных садомазохистов, не мечтает о свободе от гнета, от глумления, от притеснений, от надрывного труда?

Однако со вторым, положительным измерением свободы – дело много сложнее.

Человек – природное, естественное существо, призванное к сохранению не столько даже индивидуальной, сколько родовой жизни. Но одновременно он – и единственное во всем земном творении *смысловое*, сверхприродное, сверхъестественное существо, наделенное даром мышления и репрезентации. Его родовая жизнь включает в себя не столько принцип поддержания природы (с чем он, еще в первобытную эпоху выпавший из биоценоза, справляется весьма и весьма неважно), сколько принцип развития духа. Развитие же человеческого духа предполагает моменты не только индивидуального и группового самосохранения, но и осознанного самоконтроля и самоотречения³. И вот именно это обстоятельство и приоткрывает нам некоторые новые горизонты положительной свободы (“свободы для...”, “свободы ради...”).

Человек – существо не только природное и вегетативное, но и смысловое, осознающее свою связь с другими людьми через жизнь и смерть. То есть через свое неповторимое субъективное время, через свою *durée* (Анри Бергсон). Посему его призвание – не только внутренне пережить, но и высказать, выразить свое смысловое наполнение в любви, в общении, в труде, в интеллектуальном и художественном опыте⁴.

И здесь в этом опыте человеческого самораскрытия – каждый на свой, уникальный лад – едины и палеолитические художники, и пророки древнего Израиля, и мыслители Эллады и Востока, и Моцарт, и Пушкин, и Ци Байши... И в эту “ойкономию” свободы и культуры, как отмечал некогда опальный российский философ, входит уже не столько самосохранение нашей физической жизни, сколько – иной раз – императив пожертвовать собой ради мира смыслов (веры, культуры, творчества, справедливости...) [2].

Но далее, углубляясь в проблематику свободы, мы сталкиваемся со сложным вопросом исторического свойства.

Интуиция внутренней свободы, по существу, повсеместна. Однако осознание труднейшей взаимосвязи внутренней и внешней свободы – уникальное достояние Европейской цивилизации. В настоящее же время – с трудом, с болью для самих европейцев и для остального мира это достояние становится ценностью глобального порядка. Однако же овладение этой ценностью требует огромных общекультурных, институциональных, политических, экологических и прочих трудов. Трудов затратных, но необходимых для достойного общечеловеческого выживания.

Действительно, один из важнейших показателей человеческой свободы – *дар соотнесения*: соотнесения самого себя с другими, с природой, с обществом, с процессами всеобщей жизни. Но на поверку такое соотнесение требует и некоторых внешних институциональных гарантий, оберегающих человека не только от произвола со стороны других, но и от собственного его слепого своеволия. В основе же институциональных гарантий свободы лежат, по крайней мере, две базовые идеи:

– идея *права*, перекрывающая область конкретно-юридических формулировок и процедур (ибо конкретная юриспруденция может иной раз становиться предпосылкой несвободы и несправедливости) [3];

– идея *историзма*, предполагающая не только преемственность, но и неповторимость жизни в ее конкретных личных и коллективных проявлениях⁵.

ЕВРОПА И РОССИЯ

В популярной литературе и публицистике немало говорится о технологическом и бюрократическом отчуждении научного знания как об одном из важнейших источников современной политической и духовной несвободы. Разделяя в принципе эту мысль, известный философ и науковед **Н.И. Кузнецова** (РГГУ, Институт истории естествознания и техники РАН) в своем докладе “Научное знание и общественная свобода в истории Европы и России” попыталась рассмотреть проблему соотношения науки и свободы в противоположном ракурсе: в ракурсе их проблемной и исторической взаимной обусловленности.

По ее словам, понятия науки (иерархической, нормативной) и свободы (всегда неспокойной, всегда оспаривающей устоявшиеся воззрения) весьма далеки друг от друга. Но это лишь на первый

³ Неслучайно же великие мыслители Европы – Вл. Соловьев и Макс Шелер – утверждали в этой связи, что человек – в своем роде “аскетическое” существо.

⁴ На чем, собственно, и настаивал апостол Павел в начале пятой главы Послания к Галатам: “стойте в свободе”.

⁵ Как религиовед я должен с сожалением констатировать особую нечувствительность обиходно-консервативного религиозного сознания к этой идее – последнему свойственно смешивать представления о вымышленном “светлом прошлом” с представлениями о всеобщих и вечных ценностях и нормах.

взгляд. По существу же, феномен науки не мыслим без “малого катализатора” свободы. Да и сама свобода, в ее современном духовно-общественном понимании, немислима без влияния научного мышления и научной деятельности. И это касается прежде всего Европы и Северной Америки, но также в известной мере и обществ “догоняющего” интеллектуального развития: не только России⁶, но и обществ Индии и Дальнего (конфуцианского) Востока с их принципом особого уважения к познанию и учености.

Наука — универсальна, и сами смыслы ее универсальны. Однако как и “смысловая прародина науки — греческая философия” (термин профессора Кузнецовой), так и сама наука в современном смысле слова обязана своим возникновением и ранними этапами своего становления цивилизационной специфике становления и развития новоевропейских народов. Действительно, оформившаяся в XVII—XVIII столетиях в своей содержательной и организационной специфике, наука как “индустрия знаний” все же связана по своей природе со свободой и созерцательным характером философской культуры: за жесткостью научного дискурса и научных “правил игры” непреложно угадывается свобода и глубина личной мысли.

Профессор Кузнецова выделила в этой связи некоторые принципы научного мышления и научной деятельности, которые, на ее взгляд, напрямую связаны с началами общественной свободы:

— принцип *позитивного отношения к знанию и его приращению*;

— принцип *социальной справедливости*: научная деятельность рассматривается как некий “социальный лифт” для одаренных и трудолюбивых, отчасти преодолевающих статусные барьеры родовитости, богатства и близости к власти имущим;

— принцип *уважения к собеседнику и оппоненту*: иначе невозможен никакой *теоретический спор*, образующий живую суть науки, сочетающей в себе принципы соблюдения традиций и непрерывного обновления⁷ и связанный с этой сутью;

⁶ Разумеется, Россия, по мысли Н.И. Кузнецовой, еще со времен Петровских преобразований была и остается страной передовых ученых и передовых анклавов творческой мысли. Но речь в данном случае — об интеллектуальном облике российского общества в целом. И неслучайно — добавил бы я от себя — столь велика сила антиинтеллектуалистских и по существу антинаучных выпадов и обличений в отечественной публицистике, литературе и официальных документах: предрассудки “низов” подкреплялись романтическим и народническим интуитивизмом, а позднее — и “марксистско-ленинским” всезнайством.

⁷ *Nota bene*. Принцип *вежливости (courtoisie, politesse)* был усвоен научными сообществами у феодальной верхушки, городских патрициатов и у дипломатии. Однако со временем он стал одной из предпосылок развитого демократического общежития.

— принцип *историзма*: сдвиги в идеях, содержаниях и парадигмах — необходимый элемент самой природы, преемственности и организации научной деятельности;

— принципы *светскости и автономии* научных исследований. Свобода научного общения от религиозного абсолютизма (при всем уважении к внутреннему миру ученого) вошла в число предпосылок свободы гражданского общества. Даже такой жесткий, абсолютистски настроенный и всегда рисковавший в своих решениях властитель, как Петр Великий, намечая в 1721 г. стратегию развития будущей Российской Академии наук, писал, что она должна быть учреждением, которое “само себя правит”...

Как отметила Н.И. Кузнецова, проблема содержательной и организационной автономии науки не имеет ничего общего с современной практикой казенного рыночного “неолиберализма”. Последний же во многих отношениях утратил связь с подлинными либеральными ценностями и традициями и Европы, и Америки, и России. Ибо в основе этих ценностей и традиций лежал не принцип рыночной эффективности, но принцип взаимосвязи гражданской и внутренней свободы во взаимоотношениях между людьми.

Вообще, проблематика отечественной истории и политики применительно к судьбам познания и свободы вольно или невольно оказалась одной из центральных в слушаниях нашей конференции.

Два доклада были посвящены проблематике познания и свободы на периферийных территориях Российской империи, со временем ставших независимыми современными государствами.

Стеновый доклад пастора Евангелическо-лютеранской церкви России Г.В. Азикова был посвящен поныне еще не оцененному вкладу немецких переселенцев и протестантских церквей в интеллектуальную и культурную динамику будущих республик Закавказья; теме свободы в культуре и истории народов Финляндии — доклад Е.А. Саволайнен (Институт социологии РАН).

На взгляд Е.А. Саволайнен, мощными предпосылками утверждения ценностей свободы, определивших облик сегодняшней Финляндии, явились:

— протестантские (точнее лютеранские немецко-шведские) влияния на общий склад финляндского менталитета и духовности⁸;

— привычка относительно малочисленного населения Финляндии к выживанию в экстремаль-

⁸ Едва ли случайным оказался тот факт, что оба эти выступления — Г.В. Азикова и Е.А. Саволайнен — пришлось на время длительного празднования 500-летия Реформации (1517–2017).

ных природных условиях (отсюда – и представление о ценности индивидуальных людских жизней);

– высокий статус женщины в финской семье (не случайно же женщины Великого княжества Финляндского, связанного личной унией с Россией (Император всероссийский *ex officio* – и Великий князь Финляндский), *первыми в Европе* добились избирательных прав, 1906 г.).

Один из парадоксов финляндской политической истории, по словам Е.А. Саволайнен, был связан с тем, что идеи национальной и гражданской свободы в Финляндии во многом были обоснованы финляндскими интеллектуалами шведского происхождения. Таковы были, например, Э. Лённрот, собиратель карело-финского эпоса “Калевала”, поэт и сказочник З. Топелиус, поэт Й.Л. Рунеберг и др. На вопрос ведущего конференцию Б.Е. Рашковского, не связан ли этот исторический подвиг шведско-финляндских интеллектуалов с общероссийской тенденцией “хождения в народ”, Е.А. Саволайнен ответила, что, разумеется, связан, но лишь частично. Благодаря системе лютеранского приходского образования Финляндия была страной сплошной грамотности, так что это “хождение” осуществлялось во многих отношениях через обращение с помощью печатного станка к умеющему читать и рассуждать населению.

Вообще, повторяю, российская тема оказалась одной из существенных в ходе наших слушаний, что проявилось и в их израилеведческих разделах.

ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЕ

Государство Израиль – как бы крохотный геополитический перешеек между тремя континентами: Европой, Азией и Африкой. Как бы геополитический заложник в исторических антагонизмах держав, цивилизаций, религий. Этим обстоятельством во многом объясняется и сама специфика его прошлых и нынешних судеб: легендарное величие древних царей, мудрецов и пророков – утра та независимости и территории – два тысячелетия надрывного диаспорного существования при всегдашней ностальгии по утраченной “Земле обетованной” – возвращение на землю, заселенную этнолингвистически и историко-религиозно близким, но все же ситуативно враждебным народом⁹.

⁹ Среди нееврейских жителей нынешнего Израиля наиболее лояльны к израильской государственности друзья и черкесы. Для них служба в Армии обороны Израиля и израильских силовых структурах является настоящей “мужской” профессией, к тому же благоприятствующей и дальнейшей гражданской карьере. Позиции христианских меньшинств Израиля в этом отношении разнообразны и сложны. Есть даже группы иудейских фундаменталистов, которые, пользуясь защитой и всеми благами израильской государственности, отрицают ее право на существование [4].

Нынешние политологи уже говорят о принадлежности Государства Израиль к культурно-политической системе “Большого Запада” (Европа, США и Канада, Австралия и Новая Зеландия, Япония, сам Израиль); становление и самоидентификация “Большого Запада”, выросшего из некогда “закатывавшейся” (по Шпенглеру) Европы, во многом связаны с процессами противостояния нарастающей в мире исламистско-террористической активности [5, сс. 296-297]. Разумеется, это противостояние трактуется как прямое противостояние принципов общественной и культурной свободы неoarхаическому порабощению.

И в этом глобальном контексте, по мнению участников конференции, немаловажным является уяснение “российского следа” в становлении и развитии общества и государственности Израиля. И это тем более важно в свете усложнившихся структуры и содержания сегодняшних международных отношений.

Проблема идейного “российского следа” в еврейской общественной мысли и в генезисе израильской государственности давным-давно поставлена в литературе [6], но все же далека от исчерпывающего описания и научного разрешения.

Одна из попыток постановки вопроса об этой парадоксальности “российского следа” была предпринята в докладе **Е.Б. Рашковского** “Русское народничество в кругу предпосылок общественно-политической институционализации Государства Израиль”.

В этой проблеме – парадокс на парадоксе. Народничество в нашей отечественной истории с 60-х годов позапрошлого и до середины 10-х годов прошлого века – великорусское социалистическое движение, обращенное прежде всего к крестьянскому вопросу, причем движение с сильными национальными обертонами. Но почему же оно привлекало к себе множество представителей национальных меньшинств тогдашней России: украинцев, евреев, немцев, армян, грузин, молдаван? Да потому, что социалистическая мысль и социалистические движения исторически оказались одной из форм тогдашней культурной европеизации России (в XX столетии аналогичная ситуация повторилась в странах Востока и Латинской Америки [7]). Причем тогдашние социалистические чаяния и практики явно расходились с европейской реальностью накалом своих утопических страстей, столь понятных в условиях самодержавной, полуфеодальной, национально-неравноправной России. И евреи в этой ситуации не были исключением, тем более что в еврейской среде жила вековая библейская тоска о земле. О *своей* земле. И не случайно многие бывшие народовольцы, эсеры, толстовцы перетекали в ряды еврейских национально-освободитель-

ных социалистических движений (Бунд, социалисты, сионисты-марксисты). Усвоенная из российских источников идея “хождения в народ”, в свой собственный народ, само существование которого было под угрозой, стала одной из неотступных тем истории еврейской интеллигенции: это касалось и фольклористики, и лингвистики, и литературы, и политики. В социал-сионистских движениях прошлого века возобладали воистину народническая мечта: сделать бывших интеллигентов, мелких ремесленников, мелочных торговцев, книжечеев, люмпенов, местечковых чудиков “нормальным” рабоче-крестьянским народом. Причем — в условиях частично заболоченной и маяльной, частично опустыненной страны.

В первые десятилетия политической институционализации израильского общества эта “рабоче-крестьянская” программа была весьма реалистичной и насущной. На повестке этих десятилетий стояли изнурительные экологические работы (мелиорация, орошение полей, садов и огородов при дефиците воды, насаждение лесов, рекультивация пустырей), строительство ферм, жилья, фабрик и заводов, развитие сельхозкоммун и кооперативов, становление профсоюзного движения и связанных с ним медицинских служб и, наконец, военная самозащита. Все эти труды сыграли важную роль в становлении “старо-новой” израильской нации. Библейские обетования, диаспорная тоска, социалистические чаяния образовали мощнейший эмпириально-духовный сплав.

Но вот далее — особенно с 80-х годов прошлого столетия — в ход истории вмешалась технологическая и информационная революция, когда не столько внешний труд, сколько работа человеческой мысли стала основой производительных сил современного общества. В этих качественно новых условиях становления *цивилизации знаний* на первый план израильской жизни выдвинулись не только индустрия и поставленное на научную основу сельское хозяйство¹⁰, но и такие области жизни, как фундаментальные знания, исследования и разработки, образование, лечебное и санаторно-курортное дело, экскурсионно-туристский и паломнический бизнес¹¹, археология, библейские исследования. И вот здесь-то и оказались востребованы тысячелетние наработки еврейского менталитета: усидчивость, интеллектуальный азарт, страсть к аналитике, дар общения...

Следствием всех этих сдвигов оказалось превращение Израиля в одну из интеллектуальных

метрополий современного мира. За 70 лет своего существования страна выдвинула 12 Нобелевских лауреатов.

На протяжении 70–90-х годов израильская государственность вынуждена была обустроить и трудоустроить сотни тысяч переселенцев из прежнего СССР и стран СНГ, причем десятки тысяч из них были специалистами высокой квалификации, так или иначе связанными со старыми российскими традициями науки и образования. Но эти временные и, казалось бы, непреодолимые трудности израильской “абсорбции” обернулись дальнейшими успехами страны.

По данным академика О.Л. Фиговского (известного специалиста по нанотехнологиям), в нынешнем Израиле насчитывается свыше 4 тыс. стартап-компаний (примерно столько же, сколько и в США). Страна характеризуется самыми высокими в мире по отношению к ВВП годовыми государственными затратами на НИОКР (и это — не считая затрат частных компаний и предприятий) [8]: Израиль — 4.86%; Швеция — 3.75; Южная Корея — 3.37; США — 2.77; Великобритания — 1.77; Российская Федерация — 1.24%.

Данные академика Фиговского можно дополнить и более поздними материалами:

— 9% израильских стартапов приходится на столь актуальную в нынешнем мире проблематику кибербезопасности;

— немаловажную роль среди проблематики стартапов играют исследования в области технологий связи, фармакологии, тонкой электротехники [9]. По словам О.Л. Фиговского, работа “мозгов” и есть основная израильская “нефть”, то есть основной источник национального богатства.

...А что же осталось в этих беспрецедентно новых условиях от былого российско-израильского народного наследия? Думается, прежде всего это:

— стремление соотнести задачи социального милосердия с задачами национального выживания и национальной спецификой;

— тяга к земле: по выражению Глеба Успенского, “власть земли” и связанная с нею память о трудах освоения опустыненной и заболоченной страны, да к тому же в условиях постоянных угроз и расправ¹²;

— навыки самоорганизации общества, в том числе и профсоюзное движение и всерьез работа-

¹⁰ И по сей день страна остается одним из мощных мировых экспортеров плодоовощной продукции.

¹¹ В этой области израильяне полускрыто, но интенсивно сотрудничают с властями Иорданского королевства и Палестинской автономии.

¹² Следовало бы отметить и существенную роль иудействующих русских крестьян (“субботников”) на первых порах еврейского заселения невозделанных пространств Палестины. У некоторой части нынешних коренных израильянов есть и дальние субботнические корни.

ющая система социального страхования, – причем не только для граждан, но и для легальных мигрантов, включая гастарбайтеров.

Как было отмечено в заключении доклада, популистские и социалистические лозунги и программы чаще всего ведут к нарастанию тенденций этатизма и бюрократического гнета. Однако в Израиле эти тенденции отчасти блокируются не только прочным сознанием национальной связи в экстремальных исторических и геополитических условиях, но и этнокультурной пестротой израильского общества, а также и традиционно-еврейской фракционностью, которой во многом и конституируется гражданское общество в Израиле.

Если в докладе Е. Б. Рашковского речь шла прежде всего о российских леворадикальных предпосылках общественно-политической институционализации Израиля и путях израильского общества от аграрно-социалистических проектов к экономике знаний, то доклад **И. М. Баулиной** (Российский государственный лингвистический университет) касался иной стороны “российского следа” – стороны несоциалистической, либерально-западной, связанной прежде всего с деятельностью и трудами Владимира Евгеньевича Жаботинского (1880–1940), одного из несомненных идейных предтеч нынешней партии “Ликуд”, вышедшей на авансцену израильской политики на исходе XX столетия и изрядно потеснившей господствовавших дотоле социалистов.

Но и в трудах Жаботинского (кстати сказать, одного из лучших стилистов российской журналистики начала прошлого века) был замечен и старый российский акцент на трудную, но все же необходимую связь проблематики гражданской свободы и социального милосердия. Едва ли следует считать Жаботинского мыслителем особо набожным, но в своем социальном проекте он исходил не только из императивов своего времени, но и из библейского наследия еврейского народа. По словам И. М. Баулиной, Жаботинский был безусловным либералом-западником, однако понимавшим и незападные, библейские предпосылки своего народа, состоящего не только из евреев-европейцев (к которым в основном и обращались социал-сионисты), но и из евреев Востока. Именно в расчете на библейскую память народа и были сформулированы Жаботинским три его принципа социальной политики:

– “принцип Субботы” (обоснование права трудящихся на социальную защиту),

– “принцип Колоска” (принцип поддержания права конкретного человека на достойные условия жизни),

– “принцип Юбилейного года” (принцип свободы и стимулирования частной инициативы).

“Три библейских принципа” Жаботинского стали со временем частью электоральной стратегии “Ликуда”, рассчитанной на молодежь, евреев-ориенталов и на выходцев из стран СНГ.

Как заметил ведущий конференцию Б. Е. Рашковский, сформулированные Жаботинским в начале прошлого века “библейские принципы” рикошетом обращены и к сегодняшнему, “постмодернистскому” миру с его характерным стремлением апеллировать к архаическим и древним наследиям ради сугубо современных устремлений...

Вообще, проблематика современного библейско-постмодернистского синкретизма в израильской культуре (и, в частности, в политической культуре) XXI столетия особо рассматривалась в докладах раввина **Л. Н. Бимбата** и **С. В. Пахомовой** (РГГУ). Первый доклад – о религиозно-светском синкретизме в процессах развития гражданского общества в Израиле¹³ и о сложных взаимоотношениях религиозных и светских его фракций, второй – об аналогичных явлениях синкретизма в израильском кинематографе. В частности, о трактовке человеческой свободы и несвободы через обращение к темам и образам Библии, Талмуда и Каббалы. Причем – обращение в сугубо современных контекстах. Внутренний драматический диалог “светских” и “религиозных” израильтян в быту, культуре и политике продолжается и на киноэкранах.

ВНЕЗАПАДНЫЕ АРЕАЛЫ

Немалое внимание на конференции было уделено и многовековому наследию современных народов Востока – наследию, относящемуся именно к проблематике свободы и несвободы.

Что касается арабской мысли, то ей был посвящен доклад **М. Т. Зианшиной** (Российский университет дружбы народов) “Понятие свободы в философии Ибн Рушда (Аверроэса) и других восточных перипатетиков”. По словам докладчика, традиция арабского аристотелизма во многом противостоит господствующей в Арабском мире богословской традиции, опирающейся на платоновский утопизм и ставящей во главу угла чаяние абсолютной власти философов и мудрецов (а в нынешнем преломлении – исламских богословов). Воззрения же арабских аристотеликов существенно иные: предопределение Свыше допускает момент человеческой

¹³ По словам рабби Бимбата, отправление военных и гражданских праздников в современном Израиле в какой-то мере напоминает советские образцы. День Победы над фашизмом празднуют не 8 мая (как на Западе), но, как в России, 9 мая. Тем паче что живущие в Израиле участники Великой Отечественной войны из России и постсоветских республик приравнены по статусу к израильским национальным героям. Опять-таки – один из “российских следов”...

свободы — вплоть до злоупотребления свободой. Но именно такого рода злоупотребления, вплоть до разнуздания низменных инстинктов людей, и оказываются предпосылкой тирании как последовательного отрицания свободы.

Так что аверроистская — сугубо “политологическая” — трактовка проблем свободы и несвободы лишней раз подтверждает известную эвристическую ценность платоно-аристотелевского учения о круговом чередовании политических форм. А именно: ранний и нестойкий синкретизм власти и общества — неизбежное нарастание тенденций свободы — злоупотребление свободой и его тираническое перерождение — кризис тиранических режимов и становление новых и притом нестойких форм синкретизма власти и общества. Опыт изучения современных афро-азиатских стран лишней раз свидетельствует об эвристической ценности аверроистской “политологии”.

Доклады двух ученых-индологов были посвящены политологическому подходу к той стране-субконтиненту, где проблема свободы/несвободы выглядит гораздо сложнее, нежели в Арабо-исламском мире. Речь идет о Республике Индия.

Первый индологический доклад — доклад профессора **Р.В. Пеху** (РУДН) “Категория *мокша* (освобождение) в индийской философской традиции”. Традиционное индийское философствование вплоть до XIX столетия почти что проходит мимо проблематики общественной свободы [10]. Однако, акцентируя ценность внутреннего духовного мира человека, индийская философская традиция отчасти ограждает этот мир от засилья внешних обстоятельств и принуждений. То есть речь идет о том, что автор настоящего обзора определяет как необходимый *внутренний резерв свободы* [11, сс. 61-63].

Второе индологическое выступление — доклад ученого-политолога **Д.Б. Абрамова** (ИМЭМО РАН) был озаглавлен: “Освободительные практики этнонациональных и этнорелигиозных меньшинств”.

Одно из важнейших противоречий политической действительности современной Индии — противоречие между слагавшимся тысячелетиями (хотя сегодня в какой-то мере поколебленным) кастово-иерархическим строем *de facto* и принципами свободы и равенства граждан *de jure*. Последний принцип был провозглашен конституцией Республики Индия 1949 г. Ведущая роль в разработке конституции принадлежала юристу и политику Бхимрао Рамджи Амбедкару (1891–1956), выходцу из среды “неприкасаемых” Махараштры.

К числу “неприкасаемых”, то есть с точки зрения традиционного индуизма, ритуально “нечи-

стых” каст и племен (по официальной терминологии — *scheduled castes and tribes*), принадлежит едва ли не пятая часть населения Республики. Ганди когда-то назвал “неприкасаемых” хариджанами — “детьми Божьими”. Отношения между ритуально “чистыми” и хариджанами были и остаются весьма напряженными: десятилетиями продолжается борьба за клочки земли, за колодцы, за статус на местном уровне, за электоральные преимущества, за протекции, за квоты в университетах. Все это ведет к нередким случаям групповых насилий и изнасиливаний, не говоря уже о массовой коррупции.

Вопрос о “неприкасаемых”, по словам Д.Б. Абрамова, порождает еще один из важнейших парадоксов индийского общества.

С одной стороны, принцип секулярной политики (подчас даже в расплывчатой, хотя и воинственной, индуистской “упаковке”) ориентирован на интеграцию этнически, религиозно и кастово разнородного индийского общества.

Однако, с другой стороны, важнейшим способом групповой самозащиты “детей Божьих” является как раз противостоящая интеграционным тенденциям “санскритизация”, то есть стремление отверженных каст и племен самочинно повысить свой собственный ритуальный статус: по крайней мере, ради вящего самоуважения перед лицом ритуально “чистого” индуистского большинства. Пути “санскритизации” могут быть различны: более жесткое соблюдение не положенных хариджанам индуистских норм ритуальной чистоты (что выглядит кошунством в глазах адептов традиционного индуизма) или же — разрыв с индуизмом. Отсюда и переходы некоторых групп хариджан в буддизм, христианство, иудаизм. Что же касается последнего, то иудеями объявили себя тысячи представителей племен тибето-бирманской этнической группы мизо (дальний северо-восток Республики Индия). А общим фоном этого процесса поликонфессиональной “санскритизации” оказывается не утихающий в Республике индуистско-исламский антагонизм.

Вообще, для нынешнего мира характерна следующая примета: религии библейского корня — христианство и иудаизм, — отчасти сдавая свои позиции в Европе под общим натиском атеизма, агностицизма и ислама, не говоря уже о вульгарном национализме, расширяют свое присутствие в ареалах прежнего Третьего мира. Этому последнему обстоятельству был посвящен доклад профессора **О.М. Запрометовой** (Свято-Андреевский библейско-богословский институт) “Тема библейского Израиля в пятидесятничестве Афро-азиатского ареала и Латинской Америки”.

Пятидесятничество — относительно молодая и стремительно разрастающаяся неопроте-

стантская религия, акцентирующая тему свободы именно в библейской традиции (исход Израиля из Египта, христианская Пятидесятница как начало вышедшего из лона Израиля вселенского христианства¹⁴). По данным О.М. Запрометовой, согласно примерным подсчетам на 2010 г., общее число пятидесятников различных направлений перевалило в мире за 600 млн, причем значительная их доля приходится на Афро-азиатский ареал¹⁵; к разным пятидесятническим церквям принадлежало 56% гватемальцев и по 49% бразильцев и чилийцев. В США этот показатель достиг 23% и во многом — за счет чернокожего населения... Так что счет идет на сотни миллионов человеческих жизней, да и, кроме того, современный рост пятидесятничества свидетельствует, что в сегодняшнем мире христианство перестало быть религией “западной” по преимуществу, оно несет в себе мощные восточные, латиноамериканские и афроамериканские обертоны. Тема свободы как благодатного Дара, переданного Свыше через древний Израиль на-

родам современного мира, — одна из центральных тем пятидесятнической проповеди.

На вопрос, кто же такие пятидесятники в общем контексте христианских верований и церквей — консерваторы или прогрессисты? — однозначный ответ невозможен. Пятидесятники категорически против однополых браков, но решительно отстаивают право женского священства и свободы в поисках новых богослужбных и общественных форм...

* * *

Вообще, опыт всей нашей конференции — в частности, в плане политологическом — показал, что в сегодняшнем, “постмодернистском” мире во многих отношениях размыты прежние идеологические клише. В том числе и жесткие демаркации между прогрессивным и консервативным, светским и секулярным, западным и восточным.

Не всегда сознавая это обстоятельство, мы все же обретаем себя в некотором новом человеческом Универсуме, требующем от нас нетривиальных путей познания и практики. И, в частности, новых путей осознания нашей свободы и ответственности перед памятью прошлого и судьбами нынешних и будущих поколений.

¹⁴ Деяния Святых Апостолов, 2:1-42.

¹⁵ Российское Зауралье, Индия, Китай, Индонезия, Филиппины, Южная Корея... Не говоря уже о странах Тропической и Южной Африки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рашковский Е.Б. “Уведомление”. *Соловьевские исследования*. Иваново, ИГЭУ, 2018, вып. 2 (58), сс. 162-166. [Rashkovskii E.B. “Uvedomlenie” [“Notification”]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solov'ev studies]. Ivanovo, Publ. IGEU, 2018, issue 2 (58), pp. 162-166.]
2. Рашковский Е.Б. Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека. *Яков Эммануилович Голосовкер*. Под ред. Рашковского Е.Б. Москва, РОССПЭН, 2017, сс. 7-40. [Rashkovskii E.B. Yakov Emmanuilovich Golosovker: filosofiya v poiskakh cheloveka [Yakov E. Golosovker: Philosophy in Search of the Human]. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Rashkovskii E.B., ed. Moscow, ROSSPEN, 2017, pp. 7-40.]
3. Гусейнов А.А. Законодательство Моисея: единство теории и практики. Баренбойм П.Д. и др. *Моисей. Первый философ права. Человек, который видел Бога*. Москва, ЛУМ, ИФ РАН, 2017, сс. 5-47. [Guseinov A.A. Zakonodatel'stvo vo Moiseya: edinstvo teorii i praktiki [Moses' Legislation: the Unity of Theory and Practices]. Barenboim P.D. e.a. *Moisei. Pervyi filosof prava. Chelovek, kotoryi videl Boga* [Moses. The First Philosopher of Law. The Man Who Saw the God]. Moscow, LOOM, RAS Institute of Philosophy, 2017, pp. 5-47.]
4. Гасратян С.М. *Религиозный фактор в истории Государства Израиль (Роль иудаизма)*. Москва, Институт востоковедения РАН, 2012. 542 с. [Gasratyan S.M. *Religiozniy faktor v istorii Gosudarstva Izrail' (Rol' iudaizma)* [Religious Factor in the History of the State of Israel (The Role of Judaism)]. Moscow, 2012. 542 p.]
5. Saccamo D. L'invenzione dell'Occidente. *Limes. Rivista italiana di geopolitica*. Roma, 2006, no. 3, pp. 285-297.
6. Авинери Ш. *Основные направления в еврейской политической мысли. Пер. с иврита А. Гинзаи*. Иерусалим, Библиотека Алия, 1983. 320 с. [Avineri Sh. *Osnovnye napravleniya v evreiskoi politicheskoi mysli* [The Main Trends in the Jewish Political Thought]. Transl. from Hebrew by A. Ginzaï. Jerusalem, Aliyah Library, 1983. 320 p.]
7. Хорос В.Г. *Идейные течения народнического типа в развивающихся странах*. Москва, Наука-ГРВЛ, 1980. 268 с. [Khoros V.G. *Ideinye techeniya narodnicheskogo tipa v razvivayushchikhsya stranakh* [Populist Ideological Trends in Developing Countries: History and Present-Day Developments]. Moscow, Nauka-GRVL, 1980. 268 p.]
8. Фиговский О.Л. *Израиль и поддержка инноваций на всех этапах развития [Figovskii O.L. Izrail' i podderzhka innovatsii na vsekhn etapakh razvitiya* [Israel and the Support of Innovations in All the Stages of Development]]. Available at: Newconcepts.club/website/articles/589/html?s=1524459609&sr=426 (accessed 23.04.2018).
9. *Карта израильских стартапов по данным ЦСБ*. [The Map of Israeli Start-Ups according the Central Statistical Bureau (In Russ.)]. Available at: newsru.co.il/finance/22may2018/startup304_print.html (accessed 22.05.2018).
10. Скороходова Т.Г. *Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени*. С.-Петербург, Петербургское востоковедение, 2008. 320 с. [Skorokhodova T.G. *Bengal'skoe Vozrozhdenie. Ocherki istorii sotsiokul'turnogo sinteza v indiiskoi filosofskoi mysli Novogo vremeni* [Bengali Renaissance.

Essays on the History of Socio-Cultural Synthesis in Indian Philosophical Thought of the Modern Epoch]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2008. 320 p.]

11. Рашковский Е.Б. *Воскрешение Моисея: четыре очерка по библиологии*. Москва, ЛУМ, ИФ РАН, 2018. 66 с. [Rashkovskii E.B. *Voskreshenie Moiseya: chetyre ocherka po bibliologii* [Reviving of Moses: Four Essays on Bible Studies]. Moscow, LOOM, RAS Institute of Philosophy, 2018. 66 p.]

FREEDOM AND LACK OF FREEDOM IN OCCIDENTAL AND ORIENTAL SOCIETIES

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 104-112)

Received 06.11.2018.

Evgenii B. RASHKOVSKII (eug.rashkov@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

This paper is compiled as an analytical review of proceedings of the similarly-named Conference which took place on May 17, 2018 in the V.I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature. The Conference was confined to the 70th anniversary of the State of Israel, though a substantial part of reports was dealing with the very complex, if not to say enigmatic, problem of freedom and lack of freedom in the current global history including that of Russia. Different participants of the Conference (politologists, historians, philosophers, theologians, etc.) displayed their solidarity accepting three basic principles of the phenomenon of freedom and its contemporary dimensions: the principle of mutual correlation between different thus complementary trends and imperatives of human thought and human practice; the principle of Law overgrowing the sphere of particular juridical formulae and regulations; the principle of historicism presupposing not only the succession of institutions and ideas, but also an unique character of socio-cultural and political manifestations of human life. The complex dialectics of continuity and discreteness seems to be one of the key conditions of the freedom issue in its contemporary dimensions including political ones. The paper also deals with some specific religious and intellectual issues of Western, Russian and Israeli history, as well as with those of the present-day non-Western areas.

Keywords: Freedom, Lack of Freedom, history, politics, religion, institutes, West, East, Russia, Israel, Latin America.

About author:

Evgenii B. RASHKOVSKII, Doctor of History, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-104-112